

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Руколеев В.А., Задорина М.А. Право на доступ к информации: баланс публичных и частных интересов // Юридические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.11.72106 EDN: UGAYIN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72106

Право на доступ к информации: баланс публичных и частных интересов

Руколеев Виталий Александрович

ORCID: 0000-0002-6879-9192

ассистент; кафедра конституционного и международного права; Уральский государственный экономический университет

620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Народной Воли, 45, ауд. 750

✉ v.a.rukoleev@bk.ru

Задорина Мария Андреевна

ORCID: 0000-0002-2531-8475

кандидат юридических наук

доцент; кафедра конституционного и международного права; Уральский государственный экономический университет

620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Народной Воли, 45, оф. 750

✉ zadorina@bk.ru

[Статья из рубрики "Административное право"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.11.72106

EDN:

UGAYIN

Дата направления статьи в редакцию:

28-10-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию субъективного права на доступ к информации. Авторы поставили перед собой цель рассмотреть данное право через призму баланса публичных и частных интересов. Базовые воззрения о соотношении частных и публичных интересов изложены в работе путем анализа судебной практики Конституционного Суда РФ по спорам, связанным с реализацией права на доступ к

информации. Актуальность исследования обусловлена наличием проблемы несоразмерного ограничения права на доступ к информации, наблюдаемой в правоприменительной практике, отсутствием однозначного решения вопроса о сочетании публичных и частных интересов в юридической науке, а также обострением международно-политической ситуации. Предметом исследования выступают судебная практика Конституционного Суда РФ, связанная с применением законодательства о праве на доступ к информации, нормы Конституции РФ и иных нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения, связанные с реализацией права на доступ к информации, а также труды отечественных ученых-юристов. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, а из числа специально-юридических методов – формально-юридический метод. Среди общенаучных методов в работе были использованы общелогические методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), а также структурно-функциональный метод, позволивший отразить структуру права на доступ к информации и последовательно раскрыть каждый элемент. С опорой на правовые позиции Конституционного Суда РФ дана характеристика свойств относительности права на доступ к информации в целом и его элементам – праву на доступ к открытой информации и праву на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы. По результатам исследования установлено, что право на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, предвосхищает реализацию иных прав и свобод. А смежное право – право на доступ к открытой информации – придает циркулирующим среди широких масс населения сведениям свойство полноты. В этой связи ограничение указанных прав, как и права на доступ к информации в целом, возможно в качестве исключительной меры, с учетом баланса интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова:

относительное право, сведения, конфиденциальные сведения, информация, интерес, баланс интересов, доступ к информации, правовая позиция, гражданин, ограничение права

Введение.

В науке конституционного права уже неоднократно высказывалась позиция о комплексном характере некоторых конституционных прав, вследствие чего в их составе выделяются отдельные права – элементы комплексного конституционного права [\[1, с. 149; 2, с. 9\]](#). Данный подход применяется и к праву на информацию, в составе которого выделяют право на доступ к информации и право на информированность [\[3, с. 148\]](#). Такое деление не условно. У каждого из этих прав есть своя форма проявления притязания к информации. Для права на доступ к информации характерна активная форма. Индивид инициирует правоотношение посредством составления и подачи процессуального документа в орган публичной власти (должностному лицу). Это может быть, например, заявление о предоставлении государственной (муниципальной) услуги, запрос информации или заявка на присутствие на заседании коллегиального органа власти. Что же касается права на информированность, то инициатором распространения информации выступает сам орган публичной власти. Речь идет о социально значимых сведениях, распространять которые орган публичной власти обязан в силу предписаний нормативных правовых актов.

Настоящее исследование посвящено не праву на информацию в целом, а его отдельному элементу (или подправу) – праву на доступ к информации. Оно будет раскрыто через призму баланса публичных и частных интересов. Учитывая, что в юридической науке однозначно не решен вопрос сочетания публичных и частных интересов [\[4, с. 55; 5, с. 290; 6, с. 43\]](#), избранная тематика представляет особый научный интерес. Большую актуальность исследованию придает проблема несоразмерного ограничения права на доступ к информации, наблюдаемая в правоприменительной практике. За последние несколько лет анализ подобной правоприменительной практики неоднократно отражался в трудах ученых-юристов [\[7, с. 131-146; 8, с. 197-207; 9, с. 110-120\]](#). Вместе с тем, в условиях обострения международно-политической ситуации, вопрос о реализации права на доступ к информации с учетом баланса публичных и частных интересов становится особенно актуальным.

Предмет и методы исследования.

Предметом исследования выступают судебная практика Конституционного Суда РФ, связанная с применением законодательства о праве на доступ к информации, нормы Конституции РФ и иных нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения, связанные с реализацией права на доступ к информации, а также труды отечественных ученых-юристов.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, а из числа специально-юридических методов – формально-юридический метод. Среди общенаучных методов в работе были использованы общелогические методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), а также структурно-функциональный метод, позволивший отразить структуру права на доступ к информации и последовательно раскрыть каждый элемент.

Результаты исследования и их обсуждение.

Право на доступ к информации занимает ключевое место в системе основных прав и свобод. Такое положение диктует взаимосвязь с другими правами и свободами. Исследуемое право тесно коррелирует, например, с правом на обращение [\[10, с. 109\]](#), правом на судебную защиту [\[11, с. 118-119\]](#), правом на получение квалифицированной юридической помощи [\[12, с. 59\]](#). С развитием технологий и научного прогресса право на доступ к информации претерпевает эволюцию. Процессы цифровизации приводят к появлению новых прав [\[13, с. 21\]](#), таких как право на доступ к сети Интернет. При этом одни правоведы воспринимают его в качестве самостоятельного и относят к «неписанным» конституционным правам [\[9, с. 72, 133\]](#), а другие пишут о его «синтетическом» происхождении (имеют в виду, что оно производно от фундаментальных прав и свобод) [\[14, с. 153\]](#), рассматривают в контексте права на информацию [\[15, с. 80-81\]](#) или права на доступ к информации [\[16, с. 15\]](#). Не вдаваясь в идущие споры о природе и месте права на доступ к сети Интернет в системе прав и свобод, следует признать, что право на доступ к информации реализуется по большей части посредством сети Интернет [\[17, с. 43\]](#). Этот способ поиска и получения информации, как отмечают ученые, весьма востребован при удовлетворении субъектом интереса к различным сведениям путем использования социальных сетей [\[18, с. 43-44\]](#). Вместе с тем, безотносительно к конкретным способам поиска и получения информации, достаточно остро стоит проблема несоразмерного ограничения права на доступ к информации.

Э. В. Талапина, размышляя в своем научном труде о развитии прав человека с приходом цифровых технологий, обозначила существующий разрыв между статьей 2 Конституции РФ и правоприменительной практикой [\[19, с. 129\]](#). Право на доступ к информации по российскому законодательству является субъективным правом. Оно, как и любое субъективное право, возникает при наступлении юридически значимых обстоятельств, предусмотренных правовой нормой [\[20, с. 49\]](#). Преимущественно под юридическим значимым обстоятельством понимается волеизъявление индивида. А. В. Савоськин волеизъявление индивида раскрывает через сочетание внутреннего и внешнего компонентов. Первый охватывает психические процессы осознания лицом потребности в получении блага. Внешний компонент представлен действиями лица по вербальному выражению содержания волеизъявления и непосредственной подачи его адресату [\[10, с. 384\]](#). Повелению лица корреспондирует юридическая обязанность по предоставлению ответственным лицом испрашиваемого блага. О чем и говорится в положениях Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии со статьей 8 и 9 право на доступ к информации подразумевает свободное осуществление поиска и получения любой открытой информации. Информация, циркуляция которой может нанести вред публичным интересам, названным в части 3 статьи 55 Конституции РФ, предоставляется определенному кругу лиц в порядке, установленном нормативными актами. Волеизъявление лица, содержащее требование предоставить интересующую информацию (возможность ознакомиться с интересующей информацией), обязывает обладателя информации надлежащим образом отреагировать. Ответ на просьбу лица дается путем направления интересующей информации в форме сообщения о наличии возможности с интересующей информацией ознакомиться либо мотивированного отказа в таковой. По части 6 статьи 8 названного выше федерального закона лицо вправе обжаловать отказ обладателя информации в вышестоящий орган (должностному лицу) или в суд. Правоприменительная практика знает множество случаев нарушения права на доступ к информации неправомерными решениями обладателей информации. В частности, анализ подобной правоприменительной практики приведен в трудах Н. Е. Колобаевой [\[7, с. 131-146\]](#), И. Ю. Пашенко [\[8, с. 197-207\]](#), А. И. Хуснутдинова [\[9, с. 110-120\]](#). Исследователи указывали, что причиной нарушений явилось расхождение публичных и частных интересов. Базовые воззрения об их конструктивной корреляции отражены в решениях Конституционного Суда РФ.

Вопросы корреляции публичных и частных интересов много раз разъяснялись в судебной практике Конституционного Суда РФ. Так, в качестве примера приведем постановление от 18 февраля 2000 г. № 3-П. Из текста акта следует, что гражданин обратился в суд высшей инстанции с жалобой на неконституционность пункта 2 статьи 5 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В данном положении в редакции от 17 ноября 1995 г. говорилось об отсутствии обязанности у сотрудников органов прокуратуры предоставлять информацию по делам и материалам, находящимся у них в производстве. С одной стороны, учитывая дискурс о месте органов прокуратуры в системе органов публичной власти, тут имеется в виду некая гарантия независимости обсуждаемой структуры, а с другой – в норме прослеживается установка реализации права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, по усмотрению правоприменителя. Отсюда удовлетворение потребности в получении испрашиваемых сведений поставлено в зависимость от усмотрения органа прокуратуры. Тем самым, по мнению Суда, созданы предпосылки для посягательств на существо упомянутого права. Законодатель вопреки

предписанию части 2 статьи 24 Конституции РФ допустил возможность общего ограничения права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы. Пункт 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» признан не соответствующим Основному закону. Дабы избежать подобных ситуаций в будущем, Судом сформулирована правовая позиция: «Основания для таких ограничений могут устанавливаться законом только в качестве исключения из общего дозволения ... и должны быть связаны именно с содержанием информации...».

По смыслу приведенной выше правовой позиции Конституционного Суда РФ право на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, является относительным правом. Оно реализуется не прямо, а через правоприменение [\[21, с. 67; 22, с. 55\]](#). То есть лицо обращается в орган публичной власти (к должностному лицу) с запросом о предоставлении интересующих его сведений. Владелец информации рассматривает обращение, принимает индивидуальный правовой акт о предоставлении сведений или об отказе в их предоставлении. При разрешении вопроса учитывается связь сведений с адресатом и возможность predания их огласке. Однако критерий связи с адресатом определяющий. Конституционный Суд РФ не раз акцентировал на этом внимание. Так в постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П описан случай не предоставления гражданке сведений о факте усыновления и регистрации рождения ее умершего отца. Суды общей юрисдикции ссылались на статью 139 Семейного кодекса РФ, смысл норм которой истолковывали буквально. Отказывая в удовлетворении исковых требований, гражданке поясняли, что тайна усыновления не подлежит разглашению даже после смерти усыновленного (отца) и усыновителей (бабушки и дедушки). Фактически подразумевается бессрочный запрет на разглашение конфиденциальных сведений. Отличное представление дал Суд. Как подчеркнуто в решении, законодатель связывает раскрытие сведений об усыновлении ребенка лишь с волеизъявлением усыновителей. А после их смерти согласие не может быть получено. Получается, констатирует Суд, действует преимущественная защита тайны усыновления над правом знать о своем происхождении и происхождении своих родителей. Это образует условия для нарушения «баланса прав и обязанностей всех участников сложной системы правоотношений».

Другой пример. В постановлении от 23 ноября 2017 г. № 32-П речь идет о непредоставлении лицу для ознакомления копии материалов процессуальных проверок, проведенных по его ходатайству, и решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Причиной тому послужил неоформленный доступ к государственной тайне. Гражданин посчитал действия правоохранительных органов неправомерными, так как все принятые по итогам проверочных мероприятий документы затрагивают его интересы. Суды общей юрисдикции не восприняли его доводы. Что не сказать о Конституционном Суде РФ. Им отмечено ущемление права лица на судебную защиту в силу лишения возможности ознакомления с результатами проверки сообщения о преступлении. Ведь последующее обжалование уже принятых решений затруднительно из-за образованного информационного вакуума. Лицо не в состоянии отстаивать свою точку зрения перед судом, оспаривать доводы участников уголовного процесса. Для нормализации общественных отношений в данной сфере Судом изложена позиция об уместности защищать государственную тайну прочими средствами, не всегда прибегая к общему порядку допуска к государственной тайне. Таким средством видится предупреждение о неразглашении государственной тайны, ставшей известной вследствие ознакомления с материалами проверок и различными процессуальными актами, о чем берется соответствующая расписка.

В примерах из практики Конституционного Суда РФ наблюдалось обоснование итогов разрешения дела необходимостью поддержания баланса публичных и частных интересов. Между тем на страницах юридической литературы широко ведутся дискуссии о дефиниции понятия «баланс интересов». Абстрактный смысл правовых позиций, выведенных с использованием данного понятия, способствует плюрализму [\[4, с. 59\]](#). В частности, Ю. Н. Андреев под балансом интересов понимает равновесие конкурирующих интересов субъектов права, которое достигается в добровольном или принудительном порядке. Иначе говоря, по соглашению сторон или по принуждению органов публичной власти [\[23, с. 32\]](#). С. В. Шигапова баланс интересов раскрывает через сочетание принципов соразмерности и пропорциональности [\[24, с. 169-170\]](#). От претворения в жизнь данных принципов зависит гармоничное развитие личности, общества и государства [\[24, с. 176\]](#). В научных трудах О. В. Соколовой и Н. А. Тарабан понятие «баланс интересов» преподносят в качестве компромисса ценностных приоритетов, ведущего к режиму защищенности законных прав и интересов субъектов [\[4, с. 59; 25, с. 51\]](#). Исследователь Т. Т. Алиев, размышляя на эту тему, предложил свое интересное видение. Он указал, что категория «интерес» формирует правовую регуляцию, а вот баланс интересов – положительная корреляция индивидуальных и коллективных интересов. При этом защита или восстановление положения субъектов права гарантировано правосудием [\[26, с. 63\]](#).

Отдельного внимания заслуживает аспект, связанный с соотношением понятий «баланс интересов» и «конституционные ценности». В научных исследованиях под конституционными ценностями понимаются идеи, явления или социально значимые обстоятельства, закрепленные в конституционном тексте (выявленные в результате конституционного толкования), выступающие ориентиром для построения текущего законодательства [\[27, с. 47; 28, с. 76; 29, с. 66\]](#). По мнению Э. И. Девецкого, конституционные ценности и баланс интересов объединяет единый смысл. Оба они проецируют справедливое состояние в правовом регулировании, которое достигается законодателем и правоприменителями [\[30, с. 51-52\]](#). Сложно согласиться с такой позицией. Наиболее убедительной представляется точка зрения Ю. А. Рудт и С. Э. Несмеяновой. В частности, Ю. А. Рудт заявляет о неприемлемости отождествления обсуждаемых понятий [\[27, с. 28\]](#). По ее мнению, конституционные ценности раскрываются сквозь призму баланса интересов посредством взвешивания конфликтующих конституционных прав, принципов, целей. При этом баланс интересов лишь одно из направлений рассмотрения конституционных ценностей [\[27, с. 52; 31, с. 77-78\]](#). Схожую позицию занимает С. Э. Несмеянова, которая также разграничивает понятия «баланс интересов» и «конституционные ценности». Профессор считает, что интересы (публичные и частные) являются основанием для классификации конституционных ценностей, а баланс – надлежащая оценка ценностей при определении более приоритетных [\[32, с. 73\]](#). Нам представляется, что о балансе интересов вряд ли можно говорить в отрыве от конституционных ценностей. Каждая конституционная ценность, будучи моделью должного (правомерного) поведения, проявляется при реализации установок баланса публичных и частных интересов. Таким образом, видится сочетание предписанного и правоприменения.

Думается баланс интересов – это сосуществование разных интересов наравне друг с другом. Любые конфликты разрешаются на конструктивных и объективных началах, а вероятность их повторения исключается с помощью права. Конечно, наше и сходные воззрения олицетворяют идеал, не адаптированный к нынешним реалиям. Скрытый в

массиве законодательства крен официально подтверждается в качестве такового зачастую при рассмотрении конкретного спора в суде высшей инстанции. Показательна аналогия с препятствиями в реализации права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы. Хотя оно и относительное, тем не менее в контексте позиций Конституционного Суда РФ предвосхищает реализацию иных прав и свобод. А. А. Югов называет стремление получить сведения о себе самой начальной стадией реализации части прав и свобод [\[33, с. 4\]](#). Лицо овладевает сведениями и инициирует правоотношение, что ознаменует переход к организационной стадии, а в дальнейшем к правореализационной [\[33, с. 4-5\]](#). Прежде всего рассуждения затрагивают комплекс прав на защиту. Ведь по справедливому замечанию А. В. Малько суть права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, заключается в содействии и повышении правовой защищенности личности [\[34, с. 19\]](#).

Ограничение права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, нуждается в достаточно веском обосновании, перекликаемым с достигнутым нормативным закреплением. Концепция обоснования должна строиться на правильной расстановке приоритетов. В связи с чем непредоставление сведений оправдано большими нежелательными последствиями как для коллективных, так и индивидуальных интересов. Оценка на предмет пересечения обозначенной черты предполагает тщательное изучение ситуации. В качестве примера приведем весьма неоднозначный случай из практики Конституционного Суда РФ. Из постановления от 18 января 2024 г. № 2-П заметно разрешение столкновения интересов гражданина в получении информации о его несовершеннолетнем ребенке и интересов общества по поводу сохранности неприкосновенности и тайны частной жизни. Как следует из судебного решения, отец тайно установил на мобильный телефон семилетнего сына программное обеспечение для родительского контроля. С помощью приложения он удаленно прослушивал переговоры сына, бывшей супруги – матери ребенка, ее сестер и матери, проживающих в одном помещении. Целью вторжения в частную жизнь лиц было стремление защитить ребенка от деструктивного влияния матери, обеспечить несовершеннолетнему безопасность. Суд общей юрисдикции усмотрел в действиях гражданина признаки состава преступления по части 1 статьи 137 Уголовного кодекса РФ. Добрые намерения, выраженные в попытке уберечь ребенка, без прямого умысла в собирании сведений о частной жизни проживающих с ним лиц, проигнорированы. Мотив совершения преступления, вид умысла (прямой либо косвенный) не важны для квалификации деяния. Полярная позиция сформулирована Конституционным Судом РФ. В ходе толкования норм права им сделан вывод, что использование программного обеспечения для родительского контроля не образует состав преступления. Правило применяется даже если лицу стали известны сведения о частной жизни других лиц. Приложение производит запись и передачу всего происходящего вокруг ребенка. Разумеется, это не может не затрагивать прав и законных интересов других лиц. Конфиденциальность информации, ставшей доступной посредством использования программного обеспечения, гарантируется ограничением ее передачи, включая механизмы юридической ответственности. Таким образом, Судом учтен баланс права на неприкосновенность и тайны частной жизни и родительских прав (обязанностей) по обеспечению безопасности ребенка. Модель поведения гражданина по поиску и получению сведений признана Судом не то, чтобы правомерной, сколько мотивированной.

Анализ практики Конституционного Суда РФ доказывает выдвинутый тезис о том, что волеизъявление лица, содержащее требование предоставить информацию,

непосредственно связанную с ним (либо возможность ознакомиться с информацией, непосредственно связанной с ним), обязывает орган публичной власти надлежащим образом отреагировать. Ограничение права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, производится с учетом баланса публичных и частных интересов. Вводимые в отношении информации ограничения преобразуют ее в разряд конфиденциальной, вследствие чего лицо сталкивается с трудностями в реализации ряда прав и удовлетворения законных интересов. Поэтому характеристику некоторых свойств относительности права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы чрезмерно воспринимать буквально. Обратное утверждение о субъективном праве на доступ к открытой информации.

Праву на доступ к открытой информации впервые дана аргументация в труде В. Н. Монахова. Оно является частью права на доступ к информации. За счет него циркулирующие среди широких масс населения сведения приобретают свойство полноты [\[35, с. 61-62\]](#). Любые неконфиденциальные сведения, не обнародованные в публичном поле, могут быть затребованы путем направления запроса информации в орган публичной власти (должностному лицу). Ознакомиться с нужными сведениями допускается в зале заседания коллегиальных органов власти и судебных органов власти. Сведения, так или иначе, становятся известными в рамках отношений по предоставлению государственных (муниципальных) услуг, рассмотрению обращений граждан. Разнообразие способов получения информации, как отмечено в определении Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2011 г. № 1624-О-О, отвечает концепции плюралистической демократии.

Ценностью упомянутой системы взглядов значится достоверность исходящей информации. М. Б. Напсо весьма лаконично отразил специфику этого свойства. Иные свойства (безопасность, актуальность, целостность), по его мнению, обусловлены уровнем достоверности информации [\[36, с. 122\]](#). А. В. Минбалеев предложил более расширительное, вариативное понимание. Достоверность информации воплощается как самостоятельное субъективное право, или компонент конституционного права на информацию, или законодательное требование [\[37, с. 23-24\]](#). По поводу последнего ученый обращает внимание на стоящую перед законодателем задачу урегулировать параметры достоверности информации [\[37, с. 24\]](#). Е. Н. Балашова и О. В. Петровская убеждены, что достоверной информацией обозначается точная информация, которая не противоречит объективной действительности [\[38, с. 40; 39, с. 95-96\]](#). Любопытна точка зрения Р. В. Амелина. Исследователь проводит параллель между достоверной и официальной информацией. Если адресантом информации выступает орган публичной власти (либо подведомственная организация), достоверность презюмируется. Заметен посыл развития категорий по пути установления между ними корреляционной зависимости: официальная информация достоверна [\[40, с. 460-461\]](#). Таким образом, информация, исходящая от органов публичной власти, достоверна. В определении от 29 октября 2020 г. № 2411-О Конституционный Суд РФ прокомментировал, что текущее правовое регулирование не допускает направления органами власти недостоверных сведений.

Ограничение права на доступ к открытой информации уступает по негативным последствиям для личности смежному праву – праву на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы. Стремление к получению сведений в связи с желанием восполнить недостаток информации в определенной сфере, расширить грани познания – приветствуемое намерение. Однако не сопоставимо с той

же активностью что и для обеспечения реализации и защиты прав и свобод. Тем не менее ограничения этого права в равной мере должны быть ориентированы на учет баланса интересов. В определениях Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О и от 29 января 2009 г. № 3-О изложен довод о доступности любой информации, кроме информации со специальным правовым статусом. Изъятия из значительного пласта разнородных сведений устанавливаются во благо конституционно значимым ценностям в связке с публичными интересами, которые перечислены в части 3 статьи 55 Конституции РФ (определение от 23 июля 2020 г. № 1708-О). Согласно устойчивой правовой позиции Суда подобные изъятия оформляются федеральным законом и не должны приводить к несоразмерному ограничению прав и свобод пользователей информации со стороны государства (постановления от 27 марта 1996 г. № 8-П, от 18 февраля 2000 г. № 3-П и определение от 24 марта 2015 г. № 699-О-О). В постановлении от 13 января 2020 г. № 1-П законодателю предписано после введения специального правового статуса в отношении определенных сведений избегать неустранимых препятствий в ознакомлении с ними лиц, права и свободы которых ими затрагиваются. Условия и порядок доступа к конфиденциальной информации, исходя из критериев определенности, ясности и недвусмысленности, должны быть четко урегулированы (постановление от 22 ноября 2017 г. № 31-П).

Заключение.

Вышеизложенное позволяет заключить, что право на доступ к информации является относительным правом. Однако данную характеристику чрезмерно воспринимать буквально. Право на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, будучи элементом права на доступ к информации, в контексте позиций Конституционного Суда РФ предвосхищает реализацию иных прав и свобод. Ограничение этого права возможно в качестве исключительной меры, с учетом баланса публичных и частных интересов. Иное дело со смежным правом – правом на доступ к открытой информации. Его ограничение влечет меньшие негативные последствия для лица. Тем не менее ограничения и этого права в равной мере должны быть ориентированы на учет баланса публичных и частных интересов.

Библиография

1. Никитина, И.Ф. Конституционно-правовые основы высшего профессионального образования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2005. – 169 с.
2. Задорина, М. А. Конституционное право на среднее профессиональное образование в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. – 31 с.
3. Карасев, А. Т. Пассивная форма реализации принципа информационной открытости в деятельности органов публичной власти / А. Т. Карасев, В. А. Руколеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Т. 8, № 4(32). – С. 145-159. – DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-4-145-159
4. Соколова, О. В. Баланс интересов личности и государства: правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации / О. В. Соколова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2021. – № 1(47). – С. 55-59.
5. Босхолов, С. С. В поисках баланса интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности / С. С. Босхолов // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 3(93). – С. 288-292. – DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).288-292

6. Попов, А. И. Проблемы баланса частных и публичных интересов в административно-договорных правоотношениях / А. И. Попов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 4(54). – С. 42-47. – DOI: 10.37973/KUI.2023.16.80.005
7. Государственное регулирование Интернета и права человека: под. ред. М. С. Саликова. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2022. – 220 с.
8. Пашенко, И. Ю. Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. – 300 с.
9. Хуснутдинов, А. И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. – 271 с.
10. Савоськин, А. В. Обращения граждан в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. – 482 с.
11. Гриценко, Е. В. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России / Е. В. Гриценко, Ю. А. Ялунер // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 3(136). – С. 97-129. – DOI: 10.21128/1812-7126-2020-3-97-129
12. Мещерягина, В. А. Проблемы «смежного» правового регулирования бесплатной юридической помощи в Российской Федерации / В. А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 3(43). – С. 55-60.
13. Кравец, И. А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты / И. А. Кравец // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 19-33. – DOI: 10.31857/S102694520018430-4
14. Мочалов, А. Н. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации / А. Н. Мочалов, Н. Е. Колобаева, С. Э. Несмеянова // Антиномии. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 135-163. – DOI: 10.17506/26867206_2021_21_4_135
15. Талапина, Э. В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права / Э. В. Талапина // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6(115). – С. 70-83. – DOI: 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83
16. Право на доступ в Интернет, анонимность и идентификация пользователей (конституционно-правовые проблемы): под. ред. М. С. Саликова. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. – 167 с.
17. Талапина, Э. В. Права человека в Интернете / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2019. – № 2(266). – С. 41-54. – DOI: 10.12737/art_2019_2_4
18. Савоськин, А. В. О целесообразности создания «представительств» органов власти в социальных сетях / А. В. Савоськин, В. А. Руколеев // Информационное право. – 2022. – № 3(73). – С. 43-45. – DOI: 10.55291/1999-480X-2022-3-43-45
19. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 122-146. – DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina
20. Пресняков, М. В. Право человека в современном конституционно-правовом пространстве / М. В. Пресняков // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 47-52. – DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-47-52
21. Стремоухов, А. В. О соотношении категорий понятийного ряда «права человека» / А. В. Стремоухов // Журнал российского права. – 2010. – № 11(167). – С. 65-73.
22. Гасанов, К. К. Абсолютные права человека и ограничения прав / К. К. Гасанов, С. И. Вележев, В. А. Колокольцев, З. Л. Шагапсоев, С. П. Сальников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 3(19). – С. 54-65.
23. Андреев, Ю. Н. О соотношении и балансе частных и публичных интересов в российском праве / Ю. Н. Андреев // Власть Закона. – 2023. – № 3(55). – С. 23-34.
24. Современные тенденции развития теории конституционного права: монография / под.

ред. Е. В. Титовой. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. – 190 с.

25. Тарабан, Н. А. Основной закон или общественный договор? К вопросу о консенсусе интересов личности, общества и государства в Конституции РФ / Н. А. Тарабан // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 3. – С. 49-52. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-3-49-52

26. Алиев, Т. Т. Роль Конституционного суда Российской Федерации в сочетании баланса частных и публичных интересов в России / Т. Т. Алиев // Современное право. – 2010. – № 4. – С. 63-67.

27. Рудт, Ю. А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. – 220 с.

28. Авдеев, Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 73-91. – DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91

29. Саликов, М. С. Конституционные ценности на новом этапе развития основного закона Российской Федерации / М. С. Саликов, М. В. Гончаров // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2020. – № 1. – С. 60-68. – DOI: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-60-68

30. Девицкий, Э. И. К вопросу о содержании принципа баланса публичных и частных интересов / Э. И. Девицкий // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 1(95). – С. 46-53. – DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(1).46-53

31. Рудт, Ю. А. Влияние универсальных конституционных ценностей на развитие национальных конституционных ценностей в России / Ю. А. Рудт // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2013. – № 10. – С. 76-79.

32. Несмеянова, С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей / С. Э. Несмеянова // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 71-74. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.4.9

33. Югов, А. А. Механизм реализации конституционных (основных) прав, свобод и обязанностей-ключевой компонент подлинного народовластия / А. А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7. – С. 2-6.

34. Малько, А. В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации / А. В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 12-20.

35. Монахов, В. Н. СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования: монография / В. Н. Монахов. – М.: Экопринт, 2003. – 320 с.

36. Напсо, М. Б. Право индивида на достоверную информацию в условиях цифровизации гражданского оборота / М. Б. Напсо // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 7(200). – С. 119-132. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.119-132

37. Минбалеев, А. В. Правовая сущность права на достоверную информацию / А. В. Минбалеев // Проблемы права. – 2019. – № 1(70). – С. 22-24.

38. Балашова, Е. Н. Взаимодействие потоков информации, влияющих на квалификацию юридически значимого поведения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. – 163 с.

39. Петровская, О. В. Недостоверность информации как угроза информационной безопасности / О. В. Петровская // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 2(43). – С. 94-99. DOI: 10.21681/2226-0692-2022-2-94-99

40. Амелин, Р. В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах / Р. В. Амелин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 458-464. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-458-46

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, право на доступ к информации в практике Конституционного Суда РФ. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: ученым использовались "... системный и формально-юридический метод исследования. Первый позволил осуществить релевантный подбор решений Конституционного Суда РФ из массива практики данного органа власти, а также отразить структуру права на доступ к информации и последовательно раскрыть каждый элемент. Формально-юридический метод применялся при анализе содержания решений Конституционного Суда РФ".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Архитектура права на информацию состоит из нескольких компонентов – права на доступ к информации и права на информированность. Такое деление не условно. У каждого компонента-права есть своя форма проявления притязания к информации. Для права на доступ к информации характерна активная форма. Индивид инициирует правоотношение посредством составления и подачи процессуального документа в орган публичной власти (должностному лицу). Это может быть, например, заявление о предоставлении государственной (муниципальной) услуги, запрос информации или заявка на присутствие на заседании коллегиального органа власти. Что же касается права на информированность, инициатором распространения информации выступает сам орган публичной власти. Речь идет о социально значимых сведениях, распространять которые орган публичной власти обязан в силу предписаний нормативных правовых актов.

В настоящем исследовании мы раскроем не право на информацию в целом, а его отдельный компонент – право на доступ к информации. Причем само подправо, пишет В. Н. Монахов, подразделяется на право на доступ к открытой информации и право на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы [1, с. 61-62]. Взгляд ученого проходит сквозной нитью через всю нашу работу". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "По смыслу приведенной выше правовой позиции Конституционного Суда РФ право на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, является относительным правом. Оно реализуется не прямо, а через правоприменение [2, с. 67; 3, с. 55]. То есть лицо обращается в орган публичной власти (к должностному лицу) с запросом о предоставлении интересующих его сведений. Властный субъект-репозиторий рассматривает обращение, принимает индивидуальный правовой акт о предоставлении сведений или об отказе в их предоставлении. При разрешении вопроса учитывается связь сведений с адресатом и возможность предания их огласке. Однако критерий связи с адресатом определяющий. Конституционный Суд РФ не раз акцентировал на этом внимание"; "Для нормализации общественных отношений в данной сфере Судом изложена позиция об уместности защищать государственную тайну прочими средствами, не всегда прибегая к общему порядку допуска к государственной тайне. Таким средством видится предупреждение о неразглашении государственной тайны, ставшей известной вследствие ознакомления с материалами проверок и различными

процессуальными актами, о чем берется соответствующая расписка"; "Думается баланс интересов – это сосуществование разных интересов наравне друг с другом. Любые конфликты разрешаются на конструктивных и объективных началах, а вероятность их повторения исключается с помощью права. Конечно, наше и сходные воззрения олицетворяют идеал, не адаптированный к нынешним реалиям. Скрытый в массиве законодательства крен официально подтверждается в качестве такового зачастую при рассмотрении конкретного спора в суде высшей инстанции. Показательна аналогия с препятствиями в реализации права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы. Хотя оно и относительное, тем не менее в контексте позиций Конституционного Суда РФ предвосхищает реализацию иных прав и свобод" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, описывает его цель и методологию. В основной части статьи автор формирует системное научное представление о подходах Конституционного Суда РФ к толкованию права на доступ к информации, выраженных в его правовых позициях. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Целью настоящего исследования является формирование системного научного представления о подходах Конституционного Суда РФ к толкованию права на доступ к информации, выраженных в его правовых позициях. Для чего преимущественно использовался системный и формально-юридический метод исследования". Эти два предложения следует соединить в одно. То же самое следует сказать о следующем тексте: "Достигается благо в добровольном или принудительном порядке. Иначе говоря, по соглашению сторон или по принуждению органов публичной власти [5, с. 32]. Почвой для чего, пишет ученый, станет действие адекватной модели правового механизма обеспечения основных прав и свобод [5, с. 30-31]".

Ученый отмечает: "Так в постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П описан случай не предоставления гражданке сведений о факте усыновления и регистрации рождения ее умершего отца" - "Так, в постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П описан случай непредоставления гражданке сведений о факте усыновления и регистрации рождения ее умершего отца" (пропущена запятая, допущена орфографическая ошибка).

Автор указывает: "В научных трудах О. В. Соколовой и Н. А. Тарабан понятие «баланс интересов» преподносят в качестве компромисса ценностных приоритетов, ведущего к режиму защищенности законных прав и интересов субъектов [4, с. 59; 7, с. 51]" - "преподносится".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 15 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Н. А. Тарабан, Т. Т. Алиев, М. Б. Напсо и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Вышеизложенное позволяет заключить, что право на доступ к информации является относительным

правом. Однако данную характеристику чрезмерно воспринимать буквально. Право на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, будучи ответвлением от права на доступ к информации, в контексте позиций Конституционного Суда РФ предвосхищает реализацию иных прав и свобод. Ограничение этого права возможно в качестве исключительной меры, с учетом баланса интересов личности, общества и государства. Иное дело со смежным правом – правом на доступ к открытой информации. Его ограничение влечет меньшие негативные последствия для лица. Тем не менее ограничения в равной мере должны быть ориентированы на учет баланса интересов личности, общества и государства"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, информационного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: В представленной на рецензирование статье раскрыта тематика поиска баланса интересов личности, общества и государства. Заслуживает поддержки довод автора о том, что «Ограничение права на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, нуждается в достаточно веском обосновании, перекликаемым с достигнутым нормативным закреплением» и в этом аспекте действительно есть необходимость в «формировании системного научного представления о подходах Конституционного Суда РФ к толкованию права на доступ к информации, выраженных в его правовых позициях» (именно так определена цель исследования у автора). Вместе с тем, представленные в начале статьи доводы для исследования столь актуальной темы не совсем соотносимы с выводами автора о том, что «Право на ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ, затрагивающей права, свободы и законные интересы, будучи ответвлением ОТ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ, в контексте позиций Конституционного Суда РФ предвосхищает реализацию иных прав и свобод.» К сожалению, цитируемые из последнего абзаца слова автора не соотносятся с поставленной целью исследования и не совсем понятны читателю с точки зрения ответа на поставленный автором в статье вопрос – цель. Кроме того, в выводах не представлены четкие доводы о каких-либо изменениях в праве или научных позициях автора, показывающих новизну и теоретическую (или практическую) значимость исследования.

Предлагаемое автором название статьи «Право на доступ к информации в практике Конституционного Суда РФ» предполагает раскрытие не только показательных примеров, приводимых автором статьи избирательно (без возможной классификации, или поэтапного их исследования, хотя в качестве цели автор четко определил для читателя, что покажет «СИСТЕМУ» для формирования новых научных знаний), но и обоснование их возможной динамики в связи с развитием Интернета как одного из ключевых источников доступа к информации. Вместо этого автор предлагает ко вниманию очень подробный обзор «дефиниции понятия баланс интересов» и дальнейшее глубокое погружение в эту конструкцию. Вероятно, следует более основательно показать необходимость перехода в статье от одной темы к другой.

Исходя из названия требуется привести доводы, что имеются проблемы в соотношении рассматриваемого автором балансе частного и публичного права, которые могут быть преодолены за счет обращения к практике Конституционного Суда РФ. При этом показано мало примеров такой практики для ее систематизации в новое знание, что не позволило в результате сформулировать соответствующие выводы о причинах нарушения/ограничения права на доступ к информации и их преодолении в правовом регулировании.

Методология исследования: Автором статьи применялся преимущественно метод описания. Как представляется, предлагаемый вариант применения методологического инструментария неполон. Необходимо выстроить четкую методологию исследования, которая будет обосновывать именно актуальность обращения сегодня к теме права на доступ к информации, обозначить имеющиеся теоретические и практические проблемы, а затем привести авторскую систематизацию (как цель автора) позиций Конституционного Суда РФ, которая позволит сформулировать новый (авторский!!!) вывод по теме.

Актуальность тематики заслуживает внимание исследователей, поскольку информация становится не только предметом труда, но и объектом правоотношений, в которые вступает большое число людей. Проблема поиска соотношения принципа свободы информации и ограничений в ее доступе для граждан затрагивается в федеральных законах по информации, однако как конституционный принцип нуждается в развитии и нормативном оформлении. И вот именно здесь очевиден поиск новых методов законодательного регулирования исследованной тематики, которые будут найдены с помощью приведенного автором исследования практики решений Конституционного Суда РФ

Научная новизна проявлена в связи необходимостью систематизации имеющихся подходов о доступе к информации в практике Конституционного Суда РФ, различных классификационных оснований для возникновения споров о рассматриваемом праве, поиск объективных предпосылок и последующего единообразного для юридического закрепления доступа к информации для различных субъектов права. Автор справедливо обращает внимание на необходимость учета приводимых в практике жизненного опыта «буквальных» толкований должностными лицами норм права, которые приводят к ограничению исследуемого права для граждан.

Однако автором не представлены классификации и, собственно, не сделана систематизация (как поставленная в начале статьи цель исследования), не приведены в единство новые полученные знания, которые можно использовать для совершенствования действующего законодательства

Стиль, структура, содержание: Стилистика в целом имеет юридический оттенок: представлен некоторый правовой и теоретический аппарат.

Существенно портит работу некоторые замены слов в предложениях (видимо для повышения актуальности работы), которые не имеют юридического смысла и требуют доработки. Например, требует перехода на юридическую терминологию весь первый абзац статьи, а также следующие фразы и слова в тексте: «...Властный субъект-репозиторий....» (не юридический термин), «От претворения в жизнь исходных начал» (не понятно о чем здесь речь?) «Конечно, наше и сходные воззрения олицетворяют идеал, не адаптированный к нынешним реалиям.» (проверить построение и изложение предложения, чтобы оно было понятным), «поведения гражданина по добыванию сведений» (поиск?), «что связь информации с лицом, адресующим притязания, проецирует у органа публичной власти» (у публичной власти есть полномочия, что кого проецирует?), «публично-управленческого аппарата» (орган власти?), «Стремления в получении сведений из желания восполнить недостаток информации в определенной

сфере, расширить грани познания – приветствуемое намерение» (предложение не понятно что кому грани познания приветствует?), «на точно отведенный массив сведений» (объем информации? Или здесь что-то другое?), «ответвлением от права (это как? Подотрасль? Институт – есть термины в теории права, их надо придерживаться)

Библиография представляется охваченной, но предлагается дополнить практическими источниками (отсутствуют нормы Конституции, Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Апелляция к оппонентам: Статья имеет слабо проявленный дискуссионный формат. Недостатком является исключение автором трудов ведущих конституционалистов, таких как: И. А. Кравец, который раскрывает доступ к информации через цифровой конституционализм (Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты // Государство и право. 2022. № 1. С. 19-33), Талапина Э.В., которая провела классификацию решений Конституционного Суда РФ (Право на информацию в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Труды института государства и права. 2012. № 1. С. 66-83; Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 70-83), а также диссертации: Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод, 2024; Вахрамеев Р. Г. Право на информацию в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование), 2015

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа представляет собой набор суждений и выводов автора, не вполне обоснованных практикой правового регулирования, не вполне исследованных и подтвержденных уже в науке конституционного права. Автору предлагается аргументированно упорядочить методологию исследования: от постановки проблемы, поставленной цели исследования (автор ее сформулировал, но не достиг) сформулировать конкретные задачи в исследования. В качестве рекомендации можно скорректировать тему под содержание, или наоборот, уделить внимание предлагаемому автором балансу общества и государства как одной из задач в исследовании. Учитывая работу автора, потребуется доработка в части упорядочения задач исследования с постановкой цели исследования, имеющей связь правовыми коллизиями (пробелами и пр.) в самом начале статьи. После доработки работа автора окажется интересной читателям.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье нет описания предмета исследования.

В статье нет четкой структуры: весь текст является сплошным, нет разделения на отдельные разделы, например, на введение, основную часть и заключение. В результате сложно концептуализировать сделанные в ходе исследования выводы.

В статье довольно подробный методологический раздел: «среди общенаучных методов в работе были использованы общелогические методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение) и системный метод. Основами выступили системный и формально-юридический метод». Хотя в статье указывается, что одним из основных является системный подход, фактически этого не видно. Системный подход не отражается ни на уровне названия научной работы, ни на уровне выводов, ни на уровне библиографии (в библиографическом списке нет работ известных специалистов по системному подходу

и/или исследователей в области применения системного подхода в изучении права). Это необходимо исправить.

Методологический раздел можно дополнить методом анализа судебной практики, тем более, что в статье приводится достаточно большое количество соответствующего материала, включая постановления.

В статье недостаточно четко прописана научная актуальность. Указывается, что «большую актуальность исследованию придает проблема несоразмерного ограничения права на доступ к информации, наблюдаемая в правоприменительной практике». Необходимо подробнее объяснить актуальность данной научной работы.

В статье имеется степень разработанности, в этом разделе рассматриваются разные подходы правоведов к праву на доступ к информации. Этот раздел можно признать достаточным.

В статье делается обоснованный вывод, что право на доступ к информации является относительным, то есть возможность его имплементации определяется спецификой социальной и правовой ситуации: «Право на доступ к информации, затрагивающей права, свободы и законные интересы, будучи элементом права на доступ к информации, в контексте позиций Конституционного суда РФ предвосхищает реализацию иных прав и свобод. Ограничение этого права возможно в качестве исключительной меры, с учетом баланса публичных и частных интересов. Иное дело со смежным правом – правом на доступ к открытой информации. Его ограничение влечет меньшие негативные последствия для лица. Тем не менее ограничения и этого права в равной мере должны быть ориентированы на учет баланса публичных и частных интересов».

В статье большой библиографический список: 40 научных источников, из них 6 источников были опубликованы за последние 2 года.

Статья представляет интерес для читателя, специалиста в области правовых исследований.